

ОТЗЫВ

о диссертации Степановой Алены Николаевны
«Парадоксальность как когнитивная стратегия и механизм
репрезентации нестандартных эмоций в
поэтической речи конца XX – начала XXI века»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности
5.9.8 – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация направлена на изучение в структурно-семантическом и когнитивно-дискурсивном аспектах языковой репрезентации эмоций, основанной на парадоксальности. В качестве материала для исследования выбраны русские поэтические тексты конца XX – начала XXI столетия.

Тема диссертации представляется интересной и **актуальной**, она связана с важностью решения таких вопросов, веками и даже тысячелетиями волновавших ученых и западной цивилизации, и восточной, как взаимосвязь логики и алогичности, рационального и иррационального, системы и асистемности и – шире – Космоса и Хаоса, обнаруживающаяся не только в окружающем мире, но прежде всего в человеке, причем во всех ипостасях личности, в основном, возможно, в эмоциональной сфере. Не один поиск парадоксов в действительности, но – создание парадоксов (наряду с созданием «возможных миров»), употребление в речи парадоксальных суждений является не просто риторическим приемом, что уже достаточно хорошо изучено, но и способом осмысления реальности и человека или, если применить один из ключевых терминов, используемых в работе, – «когнитивной стратегией». А уже такой подход к парадоксальным высказываниям, в первую очередь выражающим эмоции, вряд ли можно считать окончательно исследованным. Как и вообще языковые средства репрезентации эмоций.

Рецензируемая диссертация, безусловно, **теоретически значима**, в ней получила развитие и практическое обоснование идея о необходимости изучения парадоксального противоречия в поэтическом тексте в связи с

механизмом ментальной интеграции, что, в свою очередь, зависит от переживаний комплексного характера. Создание «типологии моделей совмещения противоположных эмоций» (стр. 10 КД), несомненно, служит развитием теории парадокса, в том числе и в ее лингвистическом аспекте, как и уточнение самого понятия «парадокс», сформулированного путем обнаружения его основных свойств.

Научная новизна диссертации А.Н. Степановой проявляется в том, что в ней впервые дается четкая аргументация возможности использования для исследования поэтической картины мира, поэтических текстов, созданных за последние полвека, которые условно можно назвать «современными», принципиально нового подхода к парадоксу и парадоксальности как к «когнитивно-дискурсивному явлению» (стр. 10 КД).

Цель работы, обусловленная ее актуальностью и научной значимостью, состоящая в изучении «парадоксальности как когнитивной стратегии и особого механизма, направленного на познание сложных, внутренне противоречивых явлений» (стр. 7 КД), на наш взгляд, достигнута, а поставленные задачи, наиболее важными из которых считаем установление когнитивных стратегий и механизмов парадоксальной репрезентации эмоций, характерных для поэтической речи конца XX – начала XXI века, распространенных метафорических моделей, встречающихся в парадоксальных сочетаниях эмотивной лексики, и анализ парадоксальных высказываний с когнитивной точки зрения в аспекте действия механизма ментальной интеграции, полностью решены.

Диссертация, несомненно, имеет **практическую ценность**, которую ее автор видит прежде всего в возможности внедрения полученных результатов в учебный процесс. Считаем, что, вне всякого сомнения, возможностей для применения результатов исследования на практике значительно больше.

Выносимые на защиту **положения** (их семь) сформулированы достаточно четко и в целом сомнений не вызывают. Хотелось бы тем не менее обратить внимание на некоторое противоречие между первым и вторым положениями: с одной стороны, парадоксальность высказываний с эмотивной

семантикой «может рассматриваться как дискурсивная характеристика поэтической речи» (стр. 11 КД, первое положение), с другой – «парадоксальные высказывания, содержащие лексику, номинирующую эмоции, характеризуются низкой степенью предсказуемости» (стр. 11 КД, второе положение). Наиболее значимыми и интересными нам представляются третье и седьмое из выносимых на защиту положений. В третьем положении говорится, в частности, о том, что в силу своей сложной внутренней структуры комплексные эмоции реже «получают парадоксальное переосмысление», и, наоборот, базовые эмоции «в большей степени способны включаться в сочетания парадоксального характера» (стр. 11–12 КД). Полагаем также, что базовые эмоции обладают бóльшим метафорическим потенциалом, и они, в силу изначально заложенных в их концептуальное содержание противоречий, чаще используются в парадоксальных высказываниях афористического типа. В седьмом положении утверждается, что парадоксальные высказывания в поэтической речи не просто выполняют стилистическую задачу, но и оказываются значимыми с когнитивной точки зрения, при этом передаваемое знание часто носит индивидуальный характер (стр. 13 КД), подтверждение чему мы находим в проанализированном в диссертации материале.

Перейдем к краткой характеристике основной части работы.

В первой главе диссертации – «Парадокс и парадоксальность в научном освещении» – рассматриваются общие вопросы теории парадокса, систематизируются различные трактовки понятий «парадокс» и «парадоксальность» в философии и лингвистике, особое внимание при этом уделяется когнитивному подходу. Дается рабочее определение парадокса как когнитивного феномена. Отдельный параграф главы посвящен изучению поэтических высказываний с эмотивной семантикой, в которых часто наблюдаются различного рода девиации и аномальности, являющиеся источником парадоксальности. Принципиально важным считаем вывод о том, что эмотивная лексика «обладает парадоксальным потенциалом, поскольку она сочетает в себе ряд дихотомий: внутреннее и внешнее, то есть

эмоция и ее проявление; положительное и отрицательное; общее и индивидуальное» (стр. 62 КД).

Отметим, что в первой главе диссертации А.Н. Степанова показала хорошее умение анализировать довольно сложный теоретический материал, привлекая при этом источники из разных областей знаний, причем, что важно, проявила способность выделять в этих источниках главное, не углубляться, например, в стремящиеся к бесконечности философские или риторические рассуждения о пользе или вреде парадоксов и т. п.

Вторая глава диссертации – «Логико-семантические и структурные основы парадоксальности в поэтическом тексте» – посвящена обзору материала исследования и созданию модели работы с ним. В качестве главного источника материала выбран Национальный корпус русского языка, подкорпус поэтических текстов которого, несомненно, позволяет выявить необходимые для решения поставленных в диссертации задач данные. Следует, однако, иметь в виду тот факт, что ресурсы Национального корпуса русского языка, несмотря на всю их масштабность, во многом ограничены.

В главе также представлены не вызывающие никаких сомнений результаты статистического анализа частотности использования эмотивно-номинативов в парадоксальных сочетаниях. Весьма ценное наблюдение, относящееся к тому, что наиболее частотные «эмотивы, обнаруживающиеся в парадоксальных поэтических высказываниях, называют эмоции, относящиеся к разряду базовых, тогда как комплексные эмоции встречаются значительно реже» (стр. 71 КД), не может не вызвать вопроса, необходимого для дальнейшего изучения, о возможной имманентно присущей противоречивости самих так называемых базовых эмоций. Отдельный параграф главы направлен на освещение проблемы такого свойства парадоксального высказывания, как семантическое противоречие. Привлекаемый для решения данной проблемы языковой материал вполне убедителен.

Глава завершается собственно лингвистическим аспектом – моделированием парадоксальных высказываний, включающих эмотивно-номинативы, этому же посвящена третья глава диссертации – «Механизмы

репрезентации парадоксальных эмоций в поэтическом тексте». В ней анализируется собственно языковой материал – использование нестандартных эпитетов в качестве проявления парадоксальной характеристики эмоций; изучение самого нестандартного источника эмоции как проявление ее парадоксальной репрезентации; нестандартное внешнее выражение эмоции как проявление ее парадоксальной репрезентации; нестандартная модальная интерпретация эмоций в аспекте парадоксальности и др. Отдельно хотелось бы отметить параграфы третьей главы, в которых реконструируются модели совмещения противоположных эмоций и рассматривается парадоксальная реализация метафорических моделей в поэтической речи. Метафорический перенос, возможно, является основным способом создания парадоксальности, вопрос только в том, что в данном случае понимать под метафорой.

В заключении диссертации приводятся выводы проведенного исследования, которые видятся вполне достоверными. Достоверность полученных выводов обеспечивается в первую очередь объемом проанализированного языкового материала (507 парадоксальных высказываний с эмотивной семантикой). А.Н. Степанова опиралась на труды в различных областях языкознания, прежде всего на работы по когнитивной лингвистике и на лингвистическую теорию эмоций. Общий объем использованной литературы составил 199 источников.

Диссертация имеет продуманную и логичную структуру, оформлена композиционно и технически грамотно. А.Н. Степанова успешно решает поставленные цели и задачи. Кроме того, хотелось бы отметить очень хорошую научную эрудицию автора диссертации, а также высокие способности к анализу сложного языкового материала.

В высшей степени положительно оценивая рецензируемое диссертационное исследование, умение соискателя применять на практике сложнейшие теоретические положения, хотелось бы задать А.Н. Степановой ряд вопросов:

1. Аргументируя выбор периода, в который были созданы поэтические тексты (конец XX века, с 1975 года, и по настоящее время) автор диссертации пишет: «...для современной поэзии, во многом ориентированной на эксперимент, на нестандартное использование языковых единиц, парадоксальная репрезентация эмоций окажется достаточно характерной» (стр. 8 КД). Полвека – довольно большой отрезок времени, и, что принципиально важно, за эти полвека произошло множество событий эпохального значения: расцвет социалистической системы, ее упадок, перестройка, развал СССР, девяностые годы, начало 2000-х годов – условно до 2007 года, 2014-й год, ковид, СВО... Неоднородная действительность, по всей видимости, находит отражение и в способах ее осмысления и эмоционального восприятия, в том числе и в использовании парадоксальных высказываний в поэтическом тексте. Какие дополнительные аргументы, объясняющие выбор поэзии именно данного временного отрезка, А.Н. Степанова могла бы привести? И связанный с этим вопрос – в стихотворных текстах поэтов-шестидесятников, в поэзии серебряного века, в произведениях А.С. Пушкина и др. генерализованные парадоксальные суждения встречаются реже, чем в современной поэзии? Проводился ли такого рода статистический анализ, хотя бы самый общий?

2. Второй наш вопрос непосредственным образом следует из первого. Когнитивную метафору, безусловно, следует рассматривать как способ познания и как особого вида когнитивную стратегию. То же часто относится и к другим тропам и фигурам речи, в основе которых лежит паратаксис ('выстраивание рядом', т. е., в одной из его трактовок, – объединение в одну группу разнородных объектов), – к сравнению, метонимии, зевгме, оксюмору, алогизму и т. д. Увидеть в реальной действительности и поставить в одном ряду или объединить в одну группу то, что кажется несопоставимым или противоположным, то, чего не замечают другие, является одной из важнейших качественных характеристик литературного творчества вообще, но прежде всего поэтического. Это и один из способов привлечения внимания читателя, создания оригинального произведения –

через семантическое несогласование и рассогласование, сочетание противоположного, оригинальную метафору, основанный на парадоксальности афоризм и др. Тем не менее метафоры и афоризмы могут стираться, опошляться, становиться избитыми и заезженными, превращаться в штампы. Встретились ли А.Н. Степановой при анализе материала примеры такого рода в поэзии исследуемого периода? Если встретились, то как они отделялись от индивидуально-авторских? Ведь, при желании, чтобы показаться (именно «показаться») оригинальным, создать парадоксальное суждение очень просто, достаточно подобрать антонимы к семантически согласованным определениям (*белый снег – черный снег* или, для большей оригинальности, *антрацитовый* (что, кстати, часто встречается, в том числе и в поэзии, как и *смуглый* или *эбонитовый*; *нежная любовь – грубая любовь* или, опять же для повышения степени оригинальности, – *терпкая* и т. д.). Только вот всегда ли можно в этом случае парадокс рассматривать как «результат интерпретации сознанием окружающего мира и его отображения в языке» да и вообще как качественную поэтическую речь? Вряд ли, скорее лишь как результат обращения к словарю антонимов, к тому же не к самому полному. Парадокс, на наш взгляд, может «сыграть» как способ познания только в контексте всего стихотворения, встраиваясь в определенное текстовое ассоциативное поле. В каких случаях автором диссертации учитывался контекст всего стихотворения, в котором использовалось парадоксальное высказывание, и более широкий контекст – цикл стихотворений, всё творчество поэта? Причем не только языкового контекста, но и культурного, например, в творчестве Бориса Рыжего, *Вторчермет с трамвайной остановкой*, где – *земная шваль: бандиты и поэты*. Конечно, внеязыковой контекст, пресуппозиция – уже скорее фактор прагматики, однако можно ли говорить о «когнитивных стратегиях» без учета этого фактора?

3. В качестве рабочей гипотезы исследования выдвигается, в частности, следующее положение: «...парадоксальные сочетания эмотивной лексики обладают когнитивным потенциалом, являясь способом выражения знания, в том числе индивидуального, о мире внутренних переживаний человека»

(стр. 9 КД). Можно ли в данном случае говорить о том, что «способ выражения знаний» главное? Или все-таки, особенно когда мы говорим об эмоциональной составляющей человека, важнее такая функция парадоксальных суждений, как способ пробуждения читательской рефлексии, преодоления кажущейся простоты, шаблонности мышления, системности? Парадокс – чаще всего аттракцион, то, что должно привлечь внимание, по крайней мере если говорить о поэзии. Это в философском дискурсе, но и то далеко не всегда, его основная функция – выражение новых знаний. Проблема, однако, заключается в том, что эти две функции парадокса (выражение знаний и пробуждение рефлексии) часто очень сложно разделить.

4. Никакая положительная эмоция не может существовать без противоположной ей отрицательной и наоборот, потенциал парадоксальности, соответственно, уже имманентно присущ любому слову-эмотиву, отсюда и «симметричность» положительных и отрицательных эмоций, что подчеркивается в диссертации. А.Н. Степанова указывает на то, что парадоксальными могут быть не только высказывания, но парадокс также «...обнаруживается в рамках одного слова» (стр. 14 АКД). В качестве примера приводится композит *горе-отрада* в стихотворении В. Блаженного. Нельзя ли в связи со сказанным рассматривать слова-эмотивы вообще как амбивалентные лексические единицы, в концептах которых уже изначально заложена парадоксальность, следствием чего является и частая ее языковая репрезентация?

Каких-либо существенных замечаний к рецензируемой диссертации у нас нет, дадим только некоторые рекомендации: хотелось бы, чтобы в обозначенной в работе цели более явно звучала лингвистическая составляющая; аргументы, касающиеся практической значимости диссертации, можно было бы расширить; трактовку некоторых базовых понятий, составляющих терминологический аппарат исследования, например, «ментальная интеграция», «метафора», «афоризм» и др., следовало бы уточнить – так же, как это блестяще сделано А.Н. Степановой в отношении термина «парадокс». Немногочисленные стилистические погрешности,

немотивированные повторы, парадоксальные суждения (без них, по всей видимости, и нельзя было обойтись в работе, посвященной парадоксу) и т. п. никак не влияют на общее положительное впечатление от текста диссертации.

Автореферат диссертации полностью отражает ее содержание.

Результаты диссертационного исследования представлены в 11 статьях, 3 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ.

Представленная диссертационная работа Степановой Алены Николаевны «Парадоксальность как когнитивная стратегия и механизм репрезентации нестандартных эмоций в поэтической речи конца XX – начала XXI века» соответствует паспорту специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, а также требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ. Автор диссертации, Степанова Алена Николаевна, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

20 марта 2025 года

Доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела экспериментальной лексикографии
федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт
русского языка им. В.В. Виноградова РАН (ФГБУН ИРЯ РАН)

Игорь Васильевич РУЖИЦКИЙ

Адрес: 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2, ФГБУН ИРЯ РАН
Тел.: +7 (495) 695-26-60 e-mail: ruslang@ruslang.ru

